

Ну очень человеческий голос

Ирина Кривенко

"Теликономания" в концентрированном виде

Если когда-нибудь вам захочется поставить музыковеда в тупик, спросите его, что общего у Глинки и Пуленка. Он, скорее всего, виду не подаст, но растеряется не на шутку. Это и неудивительно: ответить на такой вопрос можно, только побывав на гала-концерте "Теликономания", который состоялся в день рождения театра — 10 апреля. Свое одиннадцатилетие "Теликон" отметил феерическим концерт-спектаклем — "его грехов разбор оставим до поры, и восхищимся красотой игры".

Описать, что там происходило, так же трудно, как пересказать анекдот или капустник. Говоря кратко, оркестр, оперная и балетная труппа, режиссер — Д.Бертман — и дирижер — В.Понькин — профессионально повеселились.

С тех пор как театр перестал быть реалистичным, неизмеримо вырос авторитет пресловутых "режиссерских находок". В этой ситуации головы несчастных режиссеров днем и ночью заняты поиском — где бы что-нибудь найти. А так как модернизм и авангард уже пресытили нас изрядным количеством "приемов", то даже такая задача, как веселый концерт к дню рождения, становится все более трудной: чем больше нашли, тем меньше осталось. Так можно рассуждать дома, печально тоскуя о заре театрального искусства. Однако вся эта безукоризненная ло-

гика мгновенно рушится на пороге "Теликона". Должно быть, на репетициях здешний режиссер Д.Бертман напоминал Деда Мороза: каждому такту музыки он подарил не одну какую-нибудь идею, а целый их букет. Более того, это были не бесполезные выдумки вроде появления мебели из-под сцены, а понастоящему остроумные "трюки", выпускающие на волю добродушный юмор — тот юмор, который давно просвечивает в условной реалистичности старого театра. Вообразите себе, например, Людмилу (Т.Куинджи) — в неммыслимом зелено-золотом костюме, не то восточном, не то просто фантастическом, — нежно распевающую каватину "Скучно мне, родитель дорогой" в телефонную трубку! Может быть, перед сочинением оперы "Человеческий голос" Пуленк увидел во сне нечто подобное?

И таких "проделок" было великое множество. Титры шли бегущей строкой, докучливая партия ведущего оказалась вовсе упразднена, а номера концерта переливались один в другой, как в старых итальянских пастиччио. Несмотря на то, что каждый солист пел в основном не более одного номера, сцена от начала и до конца спектакля была полна артистами: за чем уходить за кулисы, если можно приятно провести время на виду у всех. Соответственно, каждый из них успел за один вечер сы-

М.Карпеченко и П.Кудинов

грать одну-две "поющие роли" и несколько немых — и эта обильная пантомима была столь же увлекательна, сколь забавна.

Грациозная Норма (Е.Вознесенская), кутаясь в толстую красную шаль, предавалась очарованию своей арии, в то время как дирижер, покинув оркестр, пробирался к ней сквозь густозаселенный партер. Достигнув нужной точки и хорошо прицелившись, он бросил ей цветок и возвратился к пульту. А уже через несколько номеров красная шаль Нормы на том же балконе превращалась в проле-

тарское знамя, на фоне которого Фарлаф (М.Гужов) грозно восклицал: "Близок уж час торжества моего, ненавистный соперник уйдет далеко". "Где же стиль эпохи?" — спросите вы. Его нет, и, значит, нет того "алиби", которое заранее предопределяет и мизансцену, и жест, и костюм. Нет бегства от реальности в эпоху действия, а есть легкий и уверенный шаг от действия к нашей реальности.

Анна АНДРУШКЕВИЧ

Фото
Дмитрия МИХАЙЛОВА

Кривенко - 2008 - 18 - 24 апр - 09